

В. П. Раков

Ивановский государственный университет

ИМПЕРАТИВЫ И ЦЕННОСТИ: СИНОНИМЫ И АНТИТЕЗЫ

1. Создается впечатление, что тема конференции, как она сформулирована оргкомитетом, звучит противоречиво. Смысл девиза, кажется, заключается в несомненном предпочтении, отдаваемом общечеловеческим императивам, тогда как этнонациональные ценности мыслятся с неким оттенком архаической экзотики. Однако тут нет ошибки. Напротив, в названии отражается нынешняя мировая ситуация, сигнализирующая о ярко проявляющейся тенденции к глобальному распространению цивилизационных моделей и стандартов жизнеустройства. Негативность этого процесса, о чем неустанно говорят многие, заключается, скорее, не столько в нем самом, сколько в катастрофически быстрых темпах его протекания. Культура, которую мы называем классической, не способна замедлить этот натиск, и сама оказывается своеобразной периферией в составе по-новому структурированного бытия. В наше время мотивы «Заката Европы» даже не обсуждаются. Идеи знаменитого автора вошли в аксиоматику науки. Нынешние культурологи озабочены другими проблемами. Этнографы и фольклористы, мифологи и историки классического искусства рискуют превратиться в маргинальную группу чудаков, занимающихся никому не нужным делом. Возможно, что мы допускаем некоторое преувеличение и идем на поводу полемического заострения собственной позиции, однако смысл вышесказанного найдет свое продолжение в следующих, почти бесспорных, положениях.

2. Начиная с эпохи модерна, активность того, что получило название цивилизации, неуклонно возрастает. Культура как таковая утрачивает бытийственную обусловленность: ее жизненные корни, по М. Хайдеггеру, отмерли. Цивилизация обрела автономность, культура стала свободной от «деспотии» нормы и конвенциональности.

3. При этом цивилизация была в явном выигрыше, потому что обеспечила себе перспективу эскалационного развития. Культура же в поисках новых путей – надорвалась: ее морально-риторические скрепы, как сказал бы А. В. Михайлов, утратили значимость универсалий. Философия релятивизма обогатила представления о мироздании, а также эстетику и теорию искусства. А мораль? А этикетность жизненного поведения? Во всяком случае, здесь мы наблюдаем крушение исторически сложившейся мифологии и ее дотоле неколебимых устоев.

4. Современные культурологи говорят и пишут об оскудении художественного творчества и со все большей тоской переживают неутешительную прогностику Гегеля, В. Вейдле и социолого-утопической мысли теоретиков искусства первой трети XX века. Теперь уже речь идет о так называемом развитии вверх, однако – по лестнице, ведущей вниз.

5. Само собой разумеется, что наша задача состоит не в том, чтобы нагнетать чувство уныния и всеобщей паники, но в том, чтобы высветить драматические моменты в культурном климате эпохи. В этой связи нелишним будет, хотя бы краткий, разговор о патриотизме.

Глобализация делает мир – без границ. Если в эпоху классики каузальным источником духовного творчества был его архетипный уровень, то ныне первенствующую роль в социальном поведении присваивает себе *стереотип* душевных движений личности и даже ее интимных переживаний.

«Родина» всегда была сакрализованным именем, а любовь к ней считалась одной из высших форм человеческого диалога вот с этим, знакомым и родным с детства, чарующим тебя топосом. И не только с ним, но и с космосом в целом. Чувство это духовно по своей природе. Истинный патриотизм, указывается в одном из лучших трактатов по данной проблеме, «есть любовь к духу своего народа и притом именно к его духовному своеобразию» (*Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 1. С. 196*). У цитированного мыслителя мы найдем много проникновенных суждений на этот счет. Они не только глубоки, но и

поучительны. Но сейчас необходимо говорить об угрозе, которую не ждали: о болезни духа, о том, что, пожалуй, впервые в истории культура стала *опасной*. Под воздействием запросов некогда восставших масс (Х. Ортега-и-Гассет) она медленно, но неотвратно, сдает позиции аристократичности духа, оставляя в небрежении национальные проблемы и перемещая свой интерес в координаты тех самых императивов, о которых мы размышляем на сегодняшнем симпозиуме. То и дело слышишь не «моя (наша)», а – «эта страна», что исключает не только мотив жертвенности во имя Родины (А. Ф. Лосев), но и просто симпатии к ней. Глобалистика эксплуатирует идею всеобщности и вместо принципа содружества «цветущей сложности» культур внушает уплощенный идеал их механического единения, где нет места для этнической и национальной рефлексии. Конечно же, привыкание к этой философии для патриотического чувства губительно. Я – русский и хочу, чтобы моя Родина и культура находились в мировом оркестре стран и их симфонического согласия, а не подчинения слепому диктату экономики и политики. Но кое-кто не может устоять перед таким владычеством. Впрочем, в известные времена – свои соблазны. Вспомним, что Архилох, устрешенный призраком смерти, бросив щит, бежал с поля брани, но стал знаменитым, правда, не из-за трусости, а благодаря таланту, с которым рассказал об этом позорном бегстве. Эллада устояла, поэзия обогатилась, но сам автор предан посрамлению. Нынешние певцы глобализации, не стыдясь, заявляют, что в России ни один из либеральных проектов преобразований не привьется. Что же касается проекта патриотического, то и его судьба «ничуть не лучше» (Столяров А. Перед пожаром // Литер. газ. 2005. № 12-13). Трудно сказать, чего в этих рацеях больше – невежества или мазохизма. Самодумов на Руси хоть отбавляй, а вот знания дела с них не спрашивай.

6. Коснемся еще одной проблемы, ставшей ныне обязательным элементом научных дискуссий среди гуманитариев. Мы говорим о диалоге культур. Речь идет о духовных взаимодействиях, где каждая культура реализует собственные ресурсы энтелехийности, способности усваивать и использовать нуж-

ные ей компоненты и образы иных культур – в своих целях (см.: *Кнабе Г. С. Понятие энтелехии и история культуры // Вопр. философии. 1993. №5; он же. Русская античность. М., 2000*). В современных условиях этот процесс развивается с целым рядом издержек. Империализм массовой культуры с ее «знаковой загрязненностью» влечет за собой возникновение всякого рода симулякров; национальная топка затемняется инородными символами, нередко попирающими исконно присущее ей содержание. Вот тут-то и встает вопрос о духовной безопасности нации. Исследователь пишет об этом так: «<...> в "пространстве культуры" встречаются такие перекрестки, на которых надо уметь жестко отстранять одно – ради иного, чтобы не утратить другое» (*Кураев Андрей, диакон. Школьное богословие. М., 2005. С.239*). Понятно, что никакие запреты здесь не подразумеваются, поскольку мы имеем дело с ситуацией *выбора*, осуществляемого, однако, с должным пониманием его духовной целесообразности. Конечно же, это не облегчает жизни интеллигенции, но – что поделаешь! Если она хочет быть на высоте положения, то ей следует, как и прежде, взять на себя груз ответственности за будущее Родины...

7. Не надо думать, что автор этих строк полагает, будто бы у нас все мрачно и невесело. Напротив, он верит в успех жизнетворческих планов России. Однако он убежден и в том, что перспективы избранного пути развития необходимо соотносить с силовыми линиями истории. Чтобы не утратить вектор собственного движения.

Общечеловеческие императивы и этнонациональные ценности интеллигенции. Иваново, 2005.

Именной указатель

Архилох – 2,
Вейдле В. – 1,
Гегель – 1,
Ильин И. А. – 2,
Кнабе Г. С. – 2,
Кураев А. – 3,
Лосев А. Ф. – 2,
Михайлов А. В. – 1,
Ортега-и-Гассет Х. – 2,
Столяров А. – 2,
Хайдеггер М. – 1,